

КУЛЬТУРА

ПОЛИНА КУТЕПОВА:

Человек должен себя любить

Культура: 1994. - 11 янв. - С. 11

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Вот ведь парадокс: актриса Мастерской Петра Фоменко, создавшая на сцене немало ролей, выбивающихся из канона, один за другим получает кинопризы. За фильмы "Орел и решка" и "Мелкий бес" она удостоена награды Гатчинского фестиваля, организованного минувшей зимой газетой "Культура". И вот только что Полина Кутепова названа лауреатом "Золотого Овена" кинокомпания "Кинотавр".

— Вспоминаете Гатчину?

— Конечно, вспоминаю, там я получила свой первый приз. Признаться, в театре мы больше чувствуем понимание зрителей, критиков, больше читаем рецензий, статей о себе, и это дает импульс к работе.

— В жизни приходилось играть в орел и решку? Скажем, при поступлении в ГИТИС?

— Играть-то приходилось, но не при поступлении в институт. Перед нами с сестрой не стояло проблемы выбора. Все шло к тому, чтобы мы шли в театральный институт. Ничего другого делать вроде и не умели.

До какого-то момента мы с Ксенией жили под руководством старшей сестры Златы. А она была, скажем так, "ударена" театром. И увлекла им и нас. В нашей судьбе виновата только она. Злата организовала на даче домашний театр, и мы ей беспрекословно во всем подчинялись. Гуманитарная ее направленность подвинула нас с Ксенией поступить в литературную школу. В профессиональные театры мы ходили, правда, довольно редко, но играли в любительских. А в результате получились так, что мы с Ксенией работаем в театре, а Злата, несмотря на то, что она окончила режиссерский факультет Института культуры, — на телевидении.

— Родители ваши тоже "ударены" театром?

— Совсем нет. Они инженеры, технари. Чрезвычайно интеллигентные люди. Из породы шестидесятников — "физиков и лириков".

— Должна заметить, что вы с Ксенией, вероятно, уникальны в театральном искусстве. Двойняшки на одной сцене и тем более в одних спектаклях! Такого я что-то не припомню. Вы держитесь друг за друга?

— Да, конечно. Хотя порой это бывает даже мучительно. Но в то же время мы хорошо понимаем, что так распорядилась природа. Конечно, хочется, чтобы тебя воспринимали как самостоятельную единицу. Но, видимо, это невозможно. Я слишком завишу от сестры, равно, как и она от меня. И эта зависимость очень сильная, даже в жизни.

— Вы похожи внутренне?

— Очень разные. Но поскольку мы росли как одно целое, то у нас одни идеалы, одни ценности — этические, нравственные.

— И это подарок судьбы, что вы попали именно к Петру Наумовичу Фоменко.

— Я бы сказала, не подарок, а — сама судьба. В нашей труппе десять человек. И каждого из нас "слепил", взлелеял Фоменко.

— В чем, по-вашему, педагогический секрет Мастера?

— Для Петра Наумовича самоценен каждый его актер. Он умеет

внушить, что твои природные качества — бесценный клад. И ты начинаешь любить себя, относиться к себе серьезно. Ведь это трагедия, когда человек себя не любит. Причем Фоменко знает про тебя все, от него ничего нельзя скрыть. Любые твои жизненные переживания замечает тотчас.

И с ним чувствуешь себя женщиной. В тебе просыпаются неведомые ранее чувства. И очень хочется ему понравиться. На репетициях возникает очень сильная энергия любви, и тогда кажется, что ты летаешь. Влюбляешься в самого Мастера и чувствуешь, что и он в тебя в это время влюблен.

Как он делит свою любовь между всеми актрисами, это уже его секрет.

— Тогда позвольте спросить о личном. Когда ваше сердце забилось при виде вашего мужа — Евгения Каменьковича? Он же был вашим педагогом, режиссером.

— Это случилось еще на втором курсе. Помню, как я тогда подумала: хорошо, если бы этот мужчина стал моим мужем.

— Ксении говорили об этом?

— Нет, мы с ней такие темы никогда не обсуждали. Мы настолько чувствуем друг друга, что нам не нужно слов.

— Жизнь ваша сейчас наполнена до краев, и все же хочу спросить: есть ли в душе тревога за судьбу вашей мастерской?

— Конечно. И тому много причин. Кинотеатр "Киев", который реконструируется сейчас для нашего театра, должен быть официально готов уже в январе, но что из этого получится, никто не знает.

— Петр Наумович считает, что мастерской надо, как кораблю, встать на какое-то время в док: душой заняться.

— Особенно для этого нет времени. Недавно мы выпустили с Сергеем Женовачем "Месяц в деревне" — была большая душевная работа. Сейчас идут так называемые театральные будни, но и они достаточно сложны. Душе особенно не отдохнуть. В месяц мы играем спектаклей двадцать. Работа на износ. Нас всего десять человек, и каждый день мы играем большие роли и живем в большом напряжении.

— Фоменко как-то сказал, что русский артист играет на грани инфаркта — дело это опасное, но не идти на него нельзя. У вас есть такое ощущение?

— Есть. Может быть, и не всегда именно так получается, но Мастер настраивает нас на полную самоотдачу и неутаивание своих душевных сил. Именно — играть на грани инфаркта. На одной технике не уедешь.

— Как вы считаете, техника игры на сцене и съемочной площадке разная?

Кино

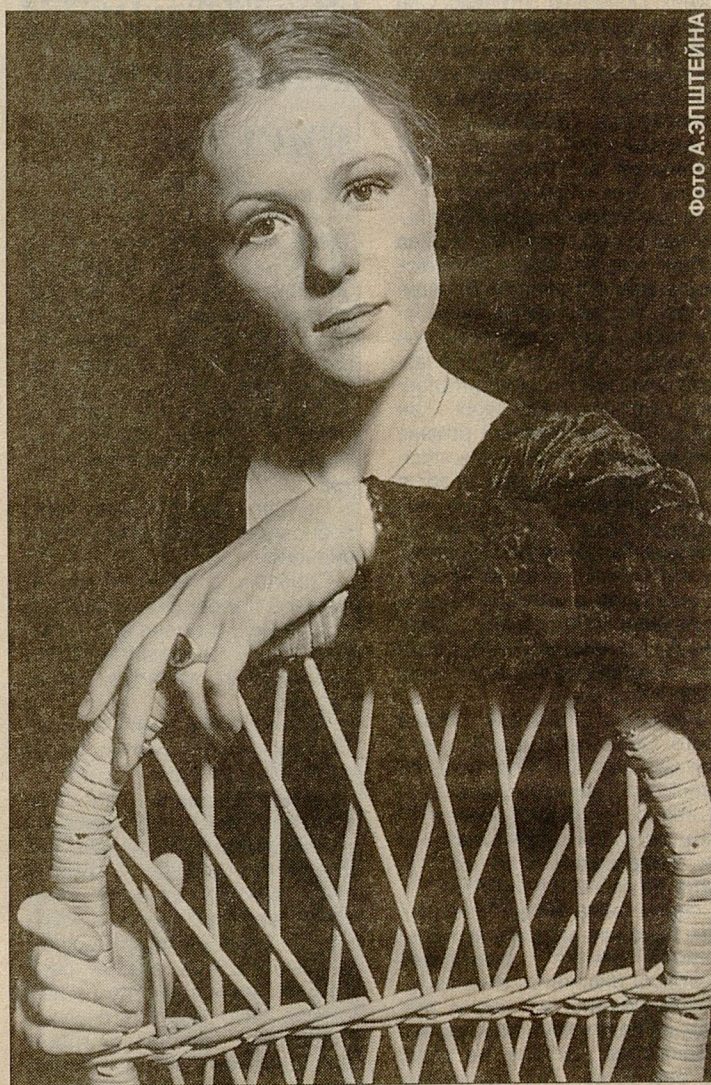

Фото А.ЭПШТЕЙНА

— В кино надо мобилизоваться и играть, скажем, начало и финал фильма в один день. И для этого надо весь образ, всю историю держать внутри себя, чтобы потом суметь склеить разные кусочки. А на сцене — ни на секунду не выйти из образа.

— Вам крайне повезло: в театре и в кино у вас прекрасные учителя.

— Это верно. Причем и Фоменко, и Данелия чем-то очень похожи. Чувствуешь, что они уважают тебя, и ты можешь даже предложить им свое видение ситуации.

— Как утверждает Фоменко, в одном человеке есть и Бог, и черт.

— В спектаклях Петра Наумовича практически нет ни положительных, ни отрицательных героев. У него постоянно смешиваются и святые качества, и греховные. Мы выучены нашим Мастером не только актерскому мастерству, но и чему-то гораздо большему и важному. Он следит за каждым из нас не столько как за актером, сколько как — за человеком. Он самый беспокойный человек из тех, кого я знаю. А в гневе даже страшный. Кричит. Хлопает дверью и уходит. Он может и сильно обидеть, причем, поскольку хорошо тебя знает, — задеть по самому больному. Такое не забыть. Но пройдет время, и он находит в себе силы, чтобы извиниться. И вот что странно: подобная трагедия даром не проходит и чаще всего оказывается во благо.

— Полина, каковы ваши лич-

ные пристрастия? Чьи ритмы и образы вам ближе всего?

— Поскольку я работаю в театре, то у меня есть неутоленное желание поработать во всех жанрах и стилях. Может быть, это ненасытность. Есть потребность в размытии собственных границ. Меня, к примеру, интересует джойсовский "Улисс", и мне хотелось бы его сыграть. Нравится живопись фламандцев, голландцев с их сдержанностью, возможно, потому, что мы сами северяне.

Если бы я не была актрисой, то, вероятно, могла бы стать живописцем. Люблю воспринимать глазами мир. А вот музыка мне менее доступна, хотя слушаю ее дома и в консерватории. Впрочем, я воспринимаю все, что прекрасно. Зачем останавливаться в постижении мира? Я воспринимаю красоту мира на уровне душевного озарения, когда чувствую энергию, идущую от творца.

— Критики наградили вас, "фоменок", множеством самых лестных комплиментов. Они нужны душе?

— Да, конечно. Актеры, как дети. Беззащитны и очень неуверенны в себе. Важны не столько красивые эпитеты, сколько настоящая критика — важно, что твой труд ненапрасен. Хотя Петр Наумович научил нас какой-то независимости. Мы воспитаны в некоем замкнутом пространстве и не сильно зависим от внешнего мира.

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА